

В. Г. ЧЕРТКОВ

По поводу христианского анархизма

Заметка от издательства

В изложенном разборе различных анархических учений Лев Толстой включен в разряд типичных представителей анархизма. Так как Толстой наиболее выдающийся литературный выразитель того свободно-христианского жизнепонимания, которого придерживаемся и мы, то считаем уместным, с своей стороны, прибавить несколько слов о его и нашем отношении к тому движению, которое принято называть «анархизмом».

Прочитавши книгу Эльцбахера «Анархизм», которая, как было вначале указано, служила одним из источников при составлении этих очерков, Толстой в 1900 году написал ее автору сочувственное письмо следующего содержания:

«Ваша книга делает для анархизма то же, что 30 лет тому назад было сделано для социализма: она вводит его в программу политических наук.

Ваша книга чрезвычайно понравилась мне. Она совершенно объективна, понятна и, насколько я могу судить, в ней прекрасно обработаны источники.

Мне кажется только, что я не анархист в смысле политического реформатора. В указателе вашей книги при слове “принуждение” сделаны ссылки на страницы сочинений всех прочих разбираемых вами авторов, но не встречается ни одной ссылки на мои писания. Но есть ли это доказательство того, что учение, которое вы приписываете мне, но которое, на самом деле, есть лишь учение Христа, — есть учение не политическое, а религиозное?»

Что жизнепонимание Толстого существенно отличается от всех остальных выше разобранных анархических учений, это, думаем,

должно быть ясно каждому внимательному читателю. Но какое именно различие полагает Толстой между «*политическим*» и «*религиозным*» учениями и почему он придает такое большое значение вопросу о *принуждении*, — это с первого взгляда не так ясно, и поэтому на этом, как нам кажется, не мешает немного остановиться.

Религия, — по лучшему известному нам определению того же Толстого, — есть такое отношение человека к бесконечной жизни, которое руководит его поступками*. Под «бесконечною жизнью» мы понимаем ту высшую область духовного разумения, в которой раскрывается нам вечный закон добра и правды. Для «религиозного» сознания этот закон добра и правды обязателен; и при том обязателен не потому, что результаты его выгодны для человека или для человечества, а потому что этот нравственный закон представляет наивысшее понятие, доступное нам, — ту вечную истину, признание которой присуще нашей духовной природе и проявление которой составляет естественное назначение нашей жизни. Это есть та «воля Отца нашего небесного», на которую так часто ссылался Иисус.

Политика есть нечто совсем другое. Политика есть такое отношение к общественным задачам, при котором человек сначала намечает те внешние результаты, которых он считает желательным достигнуть; а затем уже старается осуществить эти результаты наиболее, по его мнению, целесообразными средствами. На этом основании человек политического сознания мало или вовсе не заботится о нравственном достоинстве употребляемых им средств. Лишь бы цель его была хороша, он обыкновенно считает пригодными все средства, ведущие к этой цели**.

Следовательно, если рассматривать анархизм, как систему *политическую*, т. е. как внешнее установление известного рода общественного порядка, то Толстой прав, полагая, что он не анар-

* См. «Что такое религия?» Издание «Свободного слова». Стр. 10, 11.

** В тех случаях, когда политический деятель признает какое-нибудь полезное для его целей средство безнравственным и потому, в ущерб своей ближайшей задаче, отказывается употреблять такое средство, — он тем самым отступает от «политики» и до некоторой степени приобщается «религиозного» жизнепонимания. Но настоящий, последовательный «политический» взгляд на жизнь, — все равно правительственный ли или антиправительственный, — всегда признавал, признает и будет признавать, что «цель оправдывает средства», хотя политические деятели и не любят в этом откровенно сознаться.

хист. Политический анархизм не может обойтись без принуждения. И на самом деле, все остальные рассмотренные Эльцбахером представители анархизма допускают, как справедливо указывает Толстой, употребление насилия в той или иной степени, в том или другом виде или случае. Правда, они восстают против той формы государственного насилия, которая в настоящее время господствует. Но все же все они, каждый по-своему, признают насильственную власть иногда необходимую. Например, они признают, что позволительно употреблять насилие для самозащиты, или для укрощения преступников, или для войны, или для борьбы с тиранами, для убийства деспотов, для вооруженного восстания и т. д., и т. д. Толстой же, рассматривая жизнь не с политической, а с религиозной точки зрения, доверяет высшему нравственному закону, отрицающему право всякого насилия человека над человеком. Толстой не допускает, чтобы мог быть такой случай, когда насилие необходимо для истинного блага человечества. Он уверен, что если насилие нам иногда и кажется полезным, то это только потому, что мы ошибаемся, не будучи в состоянии предусмотреть все последствия наших поступков. Очевидно, что такое чисто религиозное мировоззрение несовместимо с политической точкой зрения. Вот почему никак нельзя считать Толстого анархистом в политическом смысле этого слова.

Но можно понимать анархизм гораздо глубже, нежели в этом внешнем политическом смысле. В основной своей сущности анархизм не есть такое или иное устройство общества, а — принципиальное *отрицание власти*, т. е. непризнание за человеком права насильственно распоряжаться другим человеком. Допуская насилие в некоторых случаях, все разобранные в выше изложенных очерках представители анархизма, за исключением Толстого, говорят, выражаясь просто: «Мы против насильственной власти — за исключением тех случаев, когда мы за нее». Понятно, что такой анархизм, строго говоря, вовсе и не есть анархизм, так как отличительное свойство истинного анархизма есть отрицание насильственной власти. Нужды нет, что эти так называемые анархисты допускают насилие в более умеренном виде, нежели современные государства. Истинным анархизмом можно назвать только такое жизнепонимание, которое совершенно отрицает всякую насильственную власть, всякое принуждение со стороны кого бы то ни было над кем бы то ни было. А понимая анархизм в этом, единственно истинном его значении, окажется, что из всех

перечисленных семи анархистов одного только Толстого можно назвать настоящим и последовательным анархистом, так как он один безусловно верит в основную идею анархизма и один не боится полного применения этой идеи к жизни без всяких урезок и ограничений.

Говоря о религиозном анархизме Толстого, не мешает заодно коснуться нескольких связанных с этим вопросом весьма распространенных недоразумений.

Во-первых, признание Толстым того, что человек не имеет права производить насилие над другим человеком, вовсе не вытекает, как некоторые ошибочно полагают, из подчинения какому-нибудь внешнему правилу, вроде заповеди Христа о «непротивлении злу». Свободно-христианское жизнепонимание не признает никаких внешних предписаний, правил или законов, никаких так называемых «догматов» или «авторитетов». Оно признает только один внутренний закон, — голос Божий в душе самого человека, т. е. требования совести, просвещенной духовным разумением. И вот, это-то духовное разумение указывает нам, что истинный смысл нашей жизни состоит в братстве и единении всех людей. Из этого естественно вытекает необходимость поступать с другими так, как желаешь, чтобы другие поступали с тобой. А из этого, в свою очередь, неизбежно следует признание незаконности насилия над человеком. Нельзя любить человека, как самого себя, и вместе с тем стрелять в него, или отдавать его под суд, или сажать в тюрьму, или, при помощи насильственных государственных законов, удерживать от него необходимые ему средства пропитания, или хотя бы предметы удовольствия потому только, что мы сами предпочитаем ими пользоваться. Все это не значит относиться к человеку по-братски и поступать с ним так, как желаешь, чтобы поступали с тобою. Всякое насилие нарушает то братское единение, в котором одном, по христианскому учению, заключается смысл жизни. Так что человек истинно-христианского сознания отрицает насилие, не вследствие какого-либо внешнего предписания, но — потому, что насилие нарушает самую основу его религиозного жизнепонимания*.

* Мы, разумеется, имеем здесь ввиду *сознание* христианина, т. е. то, что он *считает* нравственно законным и незаконным. Насколько те или другие личности, разделяющие это жизнепонимание, в своей жизни действительно осуществляют требования своего сознания, — это вопрос другой, которого мы здесь не касаемся. Само собою разумеется, что неуспешное осуществ-

Во-вторых, ошибаются те, которые думают, что, так как христианин обращает больше внимания на нравственную чистоту своих поступков, чем на их последствия, то христианский анархизм может, пожалуй, содействовать личному совершенствованию, но бесполезен, если даже не вреден, в деле служения общественным интересам. Такое суждение совершенно несостоятельно. Если бы человек, поощряя и развивая в себе высшие свойства своей души и осуществляя их в своей жизни, тем самым становился бы менее пригодным для служения людям, то это значило бы, что общественную пользу могут приносить только люди более или менее безнравственные. А это очевидная бессмыслица. Анархисты-материалисты думают, что непосредственная природа человека сама по себе настолько хороша, что стоит уничтожить правительственную власть, и все общественное зло исчезнет. Но ведь зло государственной власти не с неба упало. Оно выросло из человеческих слабостей и невежества, а потому, если бы даже и возможно было внешним образом уничтожить это зло, оно снова выросло бы из тех же корней, пока внутреннее человеческое сознание оставалось бы на одном и том же уровне развития. В прошлой истории человечества мы видим, что самое большое влияние на улучшение взаимных отношений между людьми, а следовательно — и на улучшение общественной жизни, имели религиозные учителя и, так называемые, пророки. А эти люди всегда в один голос настаивали на том, что праведная жизнь есть первая и важнейшая задача человека. То же самое подтверждается и на примере обыкновенного, среднего человека: чем его личная жизнь чище и лучше, тем благотворнее тот след, который она оставляет за собой среди людей. В наше время наиболее влиятельным, в истинном смысле этого слова, человеком среди людей несомненно является Толстой. И нигде лучше, нежели в его писаниях, не обнаружено, что христианский анархизм, основанный на совершенствовании самого себя и предоставлении другим полной свободы, есть самое могучее средство для улучшения жизни всего человечества.

вление человеком на деле требований своего сознания никак не должно побуждать его понижать свои принципы и идеалы до уровня того, что он в данную минуту, при своих ограниченных силах, способен привести в исполнение.

Наконец, в-третьих, следует иметь в виду, что христианский анархизм далеко не исчерпывает христианского жизнепонимания, а представляет только одну из его сторон, и притом — отрицательную. Свободное христианство можно назвать анархизмом лишь в том смысле, что оно *между прочим* отрицает всякую власть, всякое подчинение между людьми. Но с другой стороны, так же справедливо можно было бы назвать свободное христианство и своего рода «монархизмом», так как оно признает необходимость подчинения высшему и единственному законодателю — Богу. Жизнью человека должна управлять не его личная воля, а воля Божья, т. е. нравственные требования вечного закона добра и правды. Так что христианское учение включает в себе мирный анархизм только косвенным образом, как одно из многих неизбежных проявлений своей внутренней сущности.

Вытекая из учения *религиозного*, христианский анархизм несравненно глубже и шире внешнего, политического анархизма. И когда, в свое время, христианский анархизм будет осуществляться в жизни человечества, хотя бы в той степени, в которой теперь осуществляются другие передовые общественные движения, — он приведет к последствиям гораздо более существенным и крайним и, вместе с тем, устойчивым, нежели может достичь недостаточно решительный и недостаточно выдержанный анархизм политический.

При всем том, повторяем, название «анархизм» слишком узко для свободно-христианского жизнепонимания. Вытекающий из христианского учения анархизм, отрицающий насилие и власть, так же мало исчерпывает содержание этого учения, как мало видимый нами дневной свет исчерпывает силу света, содержащуюся в солнце.

